



Культурология

УДК 821.161.1.

А.А. Амбарцумян

Амбарцумян Алина Артуровна, студентка Краснодарского государственного института культуры (Краснодар, ул. им. 40-летия Победы, 33), e-mail: AmberMoon999@outlook.com

Научный руководитель: **Новикова Валерия Юрьевна**, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского и иностранных языков и литературы Краснодарского государственного института культуры (Краснодар, ул. им. 40-летия Победы, 33), e-mail: gandzi@yandex.ru

ЧЕЛОВЕК ПЕРЕД ЛИЦОМ ИСТОРИИ В ПОЭМЕ Д. БЫКОВА «ВОЕННЫЙ ПЕРЕВОРОТ»

В статье приведен анализ поэмы Д. Быкова «Военный переворот» в свете концепции роли личности в переломный период истории государства.

Ключевые слова: современная русская литература, современная русская поэзия.

А.А. Ambartsumyan

Ambartsumyan Alina Arturovna, student of the Krasnodar state institute of culture (33, im. 40-letiya Pobedy St., Krasnodar), e-mail: AmberMoon999@outlook.com

Research supervisor: **NovikovaValeriyaYuryevna**, candidate of philological sciences, associate professor of Russian and foreign languages and literature department of the Krasnodar state institute of culture (33, im. 40-letiya Pobedy St., Krasnodar), e-mail: gandzi@yandex.ru

PERSON IN THE FACE OF HISTORY IN D. BYKOV'S POEM «MILITARY COUP»

The article provides the analysis of D. Bykov's poem «Military Coup» in the light of the concept of the individual's role in the turning point of state's history.

Key words: contemporary Russian literature, contemporary Russian poetry.

Поэма Дмитрия Быкова «Военный переворот (тринадцать)» появилась в один из решающих для страны периодов и в определенной степени задокументировала его. Она была начата в 1993 г., закончена в 1995 г. 1993 год – переломный в истории России: передел страны, кризис власти, расстрел Белого дома – все, словно отголоском 1917, с его Февралем, а затем – Октябрем. К этому же отсылает название поэмы – «Военный переворот». Промежуток безвременья, когда «Прежняя жизнь пресеклась вчера, / Новой покуда нет», накладывается на период с 1993 по 1995 гг., между двумя точками накала в новейшей истории России. В одном из своих эссе Д. Быков пишет об истории страны как о движении по спирали вниз, где восстания и перевороты отмеряют начала новых и новых чередующихся периодов условной оттепели и закрепощения [3]. В такой «миг равновесья» поэт и помещает своего героя. Необязательно это должен быть именно 1993 год, может быть и 1905, и только грядущий абстрактный 17-ый. Поэту важно было показать «складку времени», когда один период истории уже закончился, другой еще не начался, и страна находится в состоянии нервного балансирования. Неясно пока, в какую сторону качнется маятник, хотя лирический герой догадывается («Кто победил – еще не понять: / Ясно, что все мертвы» [2]).

Поэма вошла в сборник «Военный переворот» (1996г.), которому и дала название. Примечательно, что в самом тексте оно фигурирует лишь

дважды в первой части, как бы задает сюжетные рамки, в которых разворачивается действие поэмы. Лирического героя больше волнует не сам факт произошедшего, а его косвенные и неочевидные признаки. Второе название в скобках («Тринадцать») ставит произведение Д. Быкова в один ряд сразу за поэмой «Двенадцать» А. Блока. В каком-то смысле «Военный переворот» становится ее продолжением. Несмотря на 75 лет, которые разделяют произведения, они созвучны как темой, так и образами. Д. Быков и А. Блок стали свидетелями начала и конца советского государства, которое и началось, и закончилось «военным переворотом» – история совершила полный оборот.

Примечателен жанр произведения: поэма, как определяет ее сам автор, «маленькая». По форме произведение подходит своему жанру, по содержанию – менее явно. Есть сюжетные рамки: в стране военный переворот, который лирический герой переживает в некой комнате – это, в общем-то, все. Динамика сюжета, скорее, внутренняя, если что-то и происходит, то в душе героя или, в лучшем случае, в пределах его комнаты, остальное мы видим постольку-поскольку, как свершившийся факт: «На улицах всякий хлам: / Окурки, гильзы, стекло», «Листья осыпались от стрельбы», «Красная лужа» [2]. Все произведение – одно большое лирическое отступление на тему, заявленную в названии.

Внешне поэма делится на 13 частей. Внутреннюю композицию проследить сложнее. Какого-то четкого сюжета нет, каждая часть – это, скорее, чувство, новый виток заикленности на произошедшем, и в принципе взаимозаменяема другими. Можно отметить, что в 1 части дается краткое описание ситуации, предоставляется исторический бэкграунд; 2–8 части – размышления лирического героя о случившемся и о том, к каким последствиям это привело в стране, обществе, историческом процессе; 9 – близость, вероятно, с его возлюбленной, после чего в частях 10–12 представлены размышления о том, как переворот может повлиять лично на лирического героя, предчувствие катастрофы; 13 часть завершающая, в

которой повествование с личного плана снова возвращается на исторический.

Можно сказать, что время и пространство текста и автора совпадают. Но при этом хронотоп текста шире и абстрактнее. Год точно не указан, поэтому описанные события применимы к любому военному перевороту в истории. Можно предположить, что действие разворачивается в эпицентре событий – в одной из столиц, как это случалось, но, вероятно, пространство в поэме действует по тем же законам, что и время: это может быть любая точка России, в которой вся Россия и сосредоточивается.

Главный образ поэмы – это образ исторической паузы, когда на короткий миг все повисает в невесомости, прежде чем ринуться вниз: «миг равновесья», «пауза, лень, просвет», «точка, верхний предел», «апогей», «склада времени», «качели», «весы» – «дальше – только назад» [2]. Об этом же, наверное, и постоянно повторяющееся «три пополудни»: уже не совсем день, но еще не вечер, промежуточное состояние между условными днем и ночью. Как и листопад с его последним листом на клене: признак осени, переход от лета к зиме, от света к тьме (или, как писал Д. Быков в другом произведении, «Сперва зима, а после осень, / А там, глядишь, придет весна» [2]). «Прежняя жизнь пресеклась вчера, / Новой покуда нет» [2].

Общий пафос поэмы трагический, несмотря на то, что пауза в истории во многом описывается яркими, нетипично положительными образами («Сегодня тихо, почти тепло. / Лучи текут через тюль», «свет золотой», «полная тишь, голубая гладь», «золото тишины» и т.д. [2]), им противопоставляются страшные случайные детали вчерашней трагедии («Листья осыпались от стрельбы, / Дворника увели», «Листовки, брошенные в толпу, / Белеют среди листвы», «скамейка с выломанной доской», «выброшенный блокнот», «красная лужа», «Раскинув руки, лежит солдат / развороченным лбом» [2]).

Основное средство, которым пользуется поэт для создания образов, – отрывистые короткие предложения, часто назывные («Листопад», «Три пополудни», «Миг равновесья. Лучи в окно» и т.д. [2]). Такой прием, с одной

стороны, позволяет несколькими широкими «мазками» набросать исчерпывающую картину происходящего, а с другой – каждый образ в предложениях самостоятелен и зачастую выступает также в роли своеобразного метафорического кинокадра – как в документальном фильме. Помимо этого, отрывистость предложений создает напряженность и тревожность. Постоянные повторы слов-предложений-образов, возможно, не только служат для усиления их эффекта, но и показывают заикленность мыслей лирического героя, который в ожидании, что за ним «придут», раз за разом прокручивает в голове одно и то же. Эта сюжетная конструкция создает словно бы эффект некой идейной клаустрофобии.

Интересны постмодернистские приемы, которые раскрывают новые уровни поэмы: наличие прецедентных имен («долбаный Бродский», строчка из стихотворения которого послужила эпиграфом произведения) и метатекст (заигрывание с формой «Полудня в комнате» Бродского, параллелизм мотивов и до определенной степени систем образов). Уже в эпиграфе в поэме появляется мотив неспособности человека повлиять на ход истории. «Полдень в комнате» начинается со строчек: «Тот покой, / когда наяву, как во / сне, пошевелив рукой, / не изменить ничего» [1]. В контексте «Военного переворота» эти слова свидетельствуют о беспомощности личности перед лицом истории. В поэме также отчетливо прослеживается аллюзия на «Зимнее утро» А.С. Пушкина: «Вечор, ты помнишь, была пальба» – поэму зимнему солнечное утро, которое следует за вьюгой (пальбой), у Быкова не имеет того же катарсического эффекта, сюжет так и остается в подвешенном состоянии.

Среди проблем, поднимаемых в произведении, можно выделить «вечную» тему войны и мира (переворот не зря назван военным, вся поэма построена на контрасте «золотой» «блаженнейшей поры» со вчерашней «пальбой» и оставшимися после нее «красными лужами» [2]). Можно сказать, что основной конфликт произведения – это конфликт человека и истории. Человек – заложник истории и не может на нее повлиять, будь он

победивший или проигравший – «все мертвы». И в то же время есть «палачи» и есть «жертвы». Палачи могут сколько угодно играть в военные перевороты, свергая друг друга, но страдают от этого жертвы. Главный герой противопоставляется не только и не столько тем, кто совершил переворот. На наш взгляд, он принципиально противопоставляет себя истории страны с ее победителями и проигравшими, воющими старухами, палачами, соседями-доносчиками – он пытается отгородиться от них всех в своеобразном «оке бури».

И единственный персонаж, с которым лирический герой Д. Быкова готов разделить свою изоляцию, – от внешнего мира и от течения истории – его возлюбленная.

Список используемой литературы:

1. *Бродский И.А.* Полдень в комнате. – СПб: ИГ Лениздат, 2018. – 224 с.
2. *Быков Д.Л.* Военный переворот – М.: РИФ «РОЙ», 1996. – 208 с.
3. *Быков Д.Л.* Письмо первое / Философические письма // Хроники ближайшей войны, сборник публицистических статей. – СПб: «Амфора», 2005. – 512 с.